

ОБЗОРЫ

А. О. Котломанов

**ЭТО СКУЧНО И ПАФОСНО, НО ЭТО ИСКУССТВО:
ВЕНЕЦИАНСКАЯ БИЕННАЛЕ — 2017**

Было бы наивно ждать сенсации от Венецианской биеннале. И вообще, большие международные выставки проводятся не для того, чтобы чем-то удивлять. И тем более в Венецию и в Италию едут не за современным искусством. Только редкие ценители знают, что в этой древней стране есть что-то кроме античности, ренессанса и барокко. В Италии, как в большом классическом музее, заметно другое, и это другое дает понять, что именно оно — настоящее, а все остальное преходящее. В общем, Венецианскую биеннале стоит посетить, чтобы раз и навсегда получить прививку от современного искусства. Потому что рядом с Тицианом и Тинторетто как-то не очень убедительно выглядят концептуальные потуги людей, не умеющих рисовать и работать красками. Впрочем, Венецианская биеннале ведь не про искусство, а про что-то другое. И, как это ни странно, так было всю ее историю.

Она начиналась как альтернатива пафосным парижским всемирным выставкам и сама была долгое время олицетворением своеобразного официоза итальянского диктаторского режима, который имел некоторые слабости и относительно лояльно относился к художникам. Несмотря на то что после войны многое поменялось, этот налет пафоса и официоза все-таки сохранился. Само по себе месторасположение биеннале приводит к пониманию, что эта выставка на самом деле проходит не в Венеции, а параллельно, словно грозя кулачками из-за забора, и в этом есть что-то от детского комплекса. Основные «площадки» этого праздника современного искусства — парк на окраине старого города, основанный Наполеоном и по своей структуре чуждый венецианскому укладу, и бывшее здание Арсенала, в котором также мало настоящей Венеции. Это такая резервация, наподобие тех, что временно строятся по случаю проведения в том или ином городе саммита «Большой семерки». То есть формально все это происходит в Венеции, а на самом деле нет.

В западном обществе современное искусство воспринимается как необходимый инструмент демократии, наподобие социальных программ по поддержке мигрантов из бывших колоний. Это само собой разумеющееся поле самовыражения, что-то вроде гарантированной гражданской свободы, которая для демократического государства священна. На Венецианской биеннале свобода творчества вынуждена уживаться с консервативной системой национальных павильонов, оставшихся там в качестве своеобразного наследия от первой половины XX столетия.

Большой вопрос, что на этом празднике художественной жизни делает Россия. Формально наша страна не может не участвовать в биеннале хотя бы потому, что уже более ста лет имеет там собственный павильон. Построенный перед Первой мировой войной в «русском стиле» архитектором А. В. Щусевым, который через десять лет стал автором Мавзолея Ленина,

российский павильон в биеннальском парке — один из немногих (если не единственный), где архитектура действительно заявляет о своей национальной принадлежности. Остальные выдержаны в неоклассической или функционалистской стилистике и, несмотря на то что были построены разными архитекторами, теперь трудноразличимы, сливаясь в единое целое. Холодноватое архитектурное однообразие, оттеняющее наш павильон, подчеркивает, что Россия здесь экзотический гость, и это вполне соответствует действительности.

Сейчас (как, наверное, и сто лет назад) щусевский теремок воспринимается на общем фоне как странность, русская причуда, и вряд ли кто-то всерьез думает увидеть там современное искусство. Если рассуждать по законам логики и здравого смысла, то уже давно напрашивается вопрос: почему такие выдающиеся администраторы, как министр культуры РФ В. Р. Мединский и комиссар российского павильона С. И. Михайловский, до сих пор не открыли там магазин русских сувениров, который хотя бы приносил доход. Ведь мало кто задумывается, какие убытки несет государство из-за того, что в российском павильоне продолжают безуспешно выставлять современных художников. По официальным данным, на организацию экспозиции в 2017 г. было выделено несколько миллионов рублей, а зачем? Ну, выставили Гришу Брускина, грустного человека времен перестройки, еще кого-то из относительно молодых, но безликих, как это обычно бывает, а ведь в стране есть что показать! Что, современное искусство? Да, только не то, о котором вы подумали.

Для того чтобы сделать в этом здании удачную выставку, надо наконец воплотить в жизнь гениальную идею Т. П. Новикова, который в свое время предлагал реализовать там проект «Кремлевские звезды» (экспозицию официального китча) и выставить учеников И. С. Глазунова и А. М. Шилова, или сделать на открытом воздухе выставку монументально-патриотической скульптуры, или показать исторические полотна народного художника В. И. Нестеренко. В конце концов, можно было бы организовать экспозицию петербургского неоакадемизма. Кстати сказать, до окончательного объявления состава участников долго муссировались слухи о том, что это будут именно ученики Тимура Петровича. Увы, этого не случилось, и в Венеции опять устроили скучную дорогостоящую инсталляцию в духе пережевывания «русских смыслов», всяческих аллюзий по поводу прошлого и настоящего нашего Отечества. Что очень интересно зарубежной публике, очень... В общем, скучно все это, и если вы не хотите потерять иллюзии по поводу русского искусства, не ходите в российский павильон. Лучше посмотрите на него со стороны, он хорош в итальянских кущах, этот изысканный патриотический макет.

В действительности никому (из тех, кто что-то понимает в современном искусстве) не интересны все эти выставки, ни российская, ни какая-либо другая. Разве только восторженной публике, которая любит современное искусство только потому, что оно современное. Профессионалы всем этим не особенно интересуются. Главное на биеннале — это «тусовка» и «движуха» (как сказали бы в Москве). Так, настоящим событием русского присутствия в 2017 г. была роскошная коктейльная вечеринка, которую устроили на рыбном рынке Mercati di Rialto. Такое ощущение, что это было в Москве или в Петербурге. Эти лица, сошедшие со страниц российской светской хроники, наверное, настоящие знатоки современного искусства? Почему они оказались в Венеции? Да просто потому, что там в середине мая очень приятно и комфортно, это лучший сезон для отдыха. И современное искусство здесь совершенно ни при чем. Заметим, что «светская программа» и французского, и немецкого, и британского павильонов была в целом ничуть не хуже и ничем не лучше.

Основная ошибка многих биеннальских проектов — их заведомая понятность. Они полностью объяснимы, и поэтому их неинтересно смотреть. Небольшое уточнение: это может быть интересно, только когда вы находитесь в начальной стадии изучения мира современного искусства.

Одно дело, когда художник делает что-то спонтанно, по вдохновению, и совсем другое, когда он работает по заранее написанному для него сценарию, даже если автором сценария является он сам. В этом случае зачастую получается скучно и одновременно пафосно. Такие проекты предсказуемы и легко объяснимы, в них нет загадки, и оттого они неинтересны.

Почему, допустим, Гриша Брускин в своем проекте для русского павильона мастерит заводного двуглавого орла, которого несет на своих плечах армия одинаковых гипсовых человечков? И зачем на стене выставочного зала отображаются неоновые тени тех же орлов и фигурок с человеческими и песьими головами? Это образ толпы как механизма власти, намек на погружение России в мрак нового тоталитаризма, опасность материализации фантомов прошлого... На наш взгляд, подобные образы своей концептуальной тривиальностью могут сказать только о том, что у Гриши Брускина, их автора, большие затруднения с фантазией и воображением. Впрочем, в равной степени это имеет отношение к сокураторам российской экспозиции — итальянцам Сильвии Бурины и Джузеппе Барбиери. Можно подумать, что подлинная цель российского присутствия на биеннале — показать, что русское искусство уже ни на что не способно, оно как обои на стенах, которые можно пройти и не заметить. И единственное, что умеют в России, это организовывать вечеринки. Впрочем, здесь удивляться нечему, российский павильон вполне адекватно отражает состояние искусства в России.

В нашей стране сейчас практически нет выдающихся художников, нет больших творческих идей, продолжается период стагнации — о чем здесь можно говорить? Это вовсе не означает, что художников нет вообще, речь идет о том, что отсутствуют именно большие имена, на которые можно ориентироваться другим. К тому же в системе поддержки искусства в России заложено странное противоречие. С одной стороны, государство выпускает образовательные стандарты, оберегающие консервативные устои обучения художников, с другой — устраивает выставки, пропагандирующие какое-то мифическое современное искусство. А откуда ему взяться, этому современному искусству, если ни в одном творческом вузе России ему не учат, занимаясь сохранением традиций социалистического реализма. Тот же С. И. Михайловский — очень характерный пример этого противоречия.

Уже не первый год он возглавляет Институт им. И. Е. Репина, оплот традиции в художественном образовании, и за время его правления эти традиции, при всех возможных оговорках, сохранялись. Одновременно Михайловский стремительно делает карьеру в арт-бизнесе, занимаясь организацией выставок художников, которых в Академию художеств в былые годы и на порог бы не пустили. Вот что странно.

Если отвлечься от российской ситуации и посмотреть на контекст шире, то будет очевидно, что в последние годы большой проблемой современного искусства стало появление огромного количества художников, склонных к самостоятельному теоретизированию собственного творчества, к рисованию индивидуальной мифологии. Вряд кто-то из них отличается глубиной суждений, но в их высказываниях сквозит своеобразная книжная образованность, претензия на философию вкупе с самолюбованием. Старик Пикассо на их фоне выглядел бы деревенщиной, которая и двух слов связать не может рядом с этими гигантами мысли.

Подобные тенденции вполне объяснимы в обществе, которое стремительно превращается в одну большую социальную сеть. Все как бы всё друг о друге знают, все о себе с удовольствием рассказывают, демонстрируют фотографии, которые еще лет десять-пятнадцать назад показали бы только очень близким людям. Оказалось, что масса людей являются эксгибиционистами, с упоением себя демонстрирующими. Тяга к «самоконцептуализации» также вполне объяснима в духе того, что это одно из проявлений нового индивидуализма, интенция которого направлена на создание персональной виртуальной реальности, «облачного» мира, не терпящего никакого постороннего мнения. То ли это ложное понимание свободы творчества, то ли сама по себе идея творческой свободы ложная.

Выбор участников национального павильона, объявленный Михайловским за три с половиной месяца (!) до открытия биеннале, может быть охарактеризован как ставка на «среднячков» в бессилии сделать сильный проект. Получился такой набор из советского «стола заказов». Брускин Гриша, который практически не меняется лет тридцать, и понятно, что он может выставить. Сашу Пирогову взяли, как говорится, для красоты, а для чего еще? И в доверок Recycle Group, унылая парочка молодых людей, доморощенно размышляющих о виртуальных технологиях и на этой примитивной основе создающих как бы искусство. То есть им невдомек,

что оно вообще не об этом и что даже в самом концептуальном искусстве важна скорее форма, а не содержание. Специфика деятельности экспонентов русского павильона такова, что достаточно прочесть их интервью, и их произведения можно не смотреть — уже неинтересно. А искусство не может быть скучным, в противном случае оно превращается в пресловутые обои, которые никто не замечает.

Большое заблуждение, что искусство может вполне комфортно обращаться к каким-то актуальным проблемам и политической конъюнктуре и оставаться при этом талантливым. На деле получается, что это чуть ли не худшее из всего, что может быть в судьбе художественной культуры, это благополучие «дисциплинарного санатория». Современные художники, живущие в как бы свободных странах, оказываются более зажатыми, чем их советские коллеги, писавшие картины для колхозных клубов и оформлявшие дома культуры. Выясняется (и это удивительный, невообразимый парадокс!), что идеологическая система предлагала художнику много больше, чем унылые контексты современного мира с разными надуманными проблемами, которые мало кого по-настоящему волнуют.

Так получается, что каждая новая биеннале «нулевых» и «десятих» годов становится все более скучной. Если посмотреть на другие павильоны, то они ничуть не интереснее российского, ну, может быть, в качественном профессиональном плане есть отличия. В целом все одинаково. Что помимо этого, какие достижения? Странно, но, как кажется, единственное «достижение» ВБ-2017 (во всяком случае, об этом часто говорят) — то, что в четвертый раз куратором биеннале назначена женщина, Кристина Масель, и это невиданное достижение свободного европейского общества! Четвертый раз из 57! Также для российского патриота может быть приятно, что в коллективном проекте нашли себе место две наши соотечественницы — Таус Махачева и Ирина Корина, о которых мы промолчим, потому что сказать нечего.

Как это ни странно, на Венецианской биеннале раздают призы. Делают это почти сразу после открытия, как-то незаметно, под шумок. Российскому павильону ничего не досталось, но ничего страшного, ведь главное — участие. «Золотого льва» вручили павильону Германии. Это любопытное событие, которое, насколько нам известно, пока не получило должной оценки. То, что проект куратора Анне Имхоф представлял собой скорее театральный перформанс, еще ничего: от немецкого изобразительного искусства уже давно никто ничего не ждет, — важно другое. В германском павильоне (а он, надо заметить, был открыт в 1938 г. Гитлером и Муссолини, и по этому поводу у немцев до сих пор комплекс) устроили нечто вроде концлагеря. Стекланный пол, под которым статисты выполняли разные малоприятные приказания, и за ними следили охранники с собаками. Вялая обычно биеннальская публика прямо-таки ломилась на это действо. О чем говорит зачарованное внимание к малопривлекательным для здорового человека сценам унижения, происходящим прямо перед публикой? О том, что даже самый культурный слой европейского общества вновь, как в 1920–1930-е годы, испытывает ностальгию по крепкой руке и сильному государству. Ведь случись такое еще лет двадцать назад, нашлось бы немало тех, кто устроил бы по этому поводу громкий международный скандал и, скорее всего, разбил бы витрину (стекланный пол) из гуманистических побуждений.

В общем, наметились кое-какие тенденции в искусстве, в целом отражающие своеобразную политическую обстановку, в которой нет ничего определенного. Такое ощущение, что современному цивилизованному миру было слишком хорошо и он стал придумывать и создавать себе проблемы, которые можно, как в компьютерной игре, решать в виртуальной реальности, в частности в художественной сфере.

...А российский павильон в Венеции все-таки был бы хорошей антикварной галереей, эксклюзивным сувенирным магазином или рестораном.

Для цитирования: Котломанов А. О. Это скучно и пафосно, но это искусство: Венецианская биеннале — 2017 // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2017. Т. 7. Вып. 3. С. 373–377.
DOI: 10.21638/11701/spbu15.2017.307

For citation: Kotlomanov A. O. It's boring and pathetic, but it's art: Venice biennale 2017. *Vestnik SPbSU. Arts*, 2017, vol. 7, issue 3, pp. 373–377. DOI: 10.21638/11701/spbu15.2017.307

Статья поступила в редакцию 20 мая 2017 г.;
принята в печать 26 мая 2017 г.

Контактная информация

Котломанов Александр Олегович — кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Российская Федерация, 191028, Санкт-Петербург, Соляной пер., 13; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; kotlomanov@yandex.ru